

507). Та разорванность между внешними и внутренними проявлениями человека, которая обычна почти для всех персонажей писателя, является для них нормальным состоянием, для князя Мышкина, героя идеального, оказывается духовной смертью.

Итак, жест в художественной системе Достоевского присутствует как жест прямой, соответствующий словам, намерениям, ситуации, обычный в литературе, так и жест «отказный», «обратный». Подобный жест удален от слова, от мысли, ситуации, противоречит им, часто неожидан для самого жестикулирующего. Такой жест характеризуется писателем чаще всего негативно: «невольный», «неуместный», «неожиданный». Он присущ почти всем героям Достоевского и изображает не только их, но и саму среду, в которой воспринимается как явление ординарное.

Жест у князя Мышкина — более сложная модификация «прямого» жеста. Это явление нормальное, хотя и редкое, ощущается носителями жеста «обратного» как нечто неприличное, мгновенно выделяющее человека из среды.

Следует подчеркнуть использование одинаковых жестов в изображении разных героев. Оно также функционально и позволяет проводить аналогии между персонажами разных произведений писателя, сопоставлять их.

Все разновидности жестов в поэтике Достоевского помогают понять истинный смысл действий или высказываний тех или иных персонажей его произведений.

В И М Е Л Ь Н И К

ИСТОЧНИК ОДНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ В «ЗАПИСКАХ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»

Характеризуя духовный мир и быт чиновничества, герой «Записок из подполья» Достоевского пишет: «Больше двух-трех гостей, и все тех же самых, я никогда там не видывал. Толковали про акциз, про торги в Сенате, о жалованье, о производстве, о его превосходительстве, о средстве нравиться и проч., и проч.» (5, 134; курсив наш, — В. М.).

Заключительные слова этой характеристики — намек на название популярного в то время водевиля о чиновнике «Его превосходительство, или Средство нравиться».¹ Водевиль Н. А. Коровкина, написанный еще в 1839 г., пользовался успехом у публики и удержался в репертуаре театров до 60-х годов XIX в.² Содержание его — влюбленность старого генерала в восемнадцатилетнюю девушку.

¹ См.: Коровкин Н. А. Три оригинальные водевиля. СПб., 1840.

² Театральная энциклопедия, т. III. М., 1964, с. 210. — «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (т. XVI, СПб., 1895, с. 309) указывает на 90-е годы XIX в.

Тема чиновничества играет в «Записках из подполья» роль фона, на котором в сознании героя происходит борьба старых, «филантропических» его взглядов и нынешних, которые так или иначе являются их же порождением. Герой постоянно подчеркивает свою противопоставленность чиновнической среде, и тем более раздражительно, что он чувствует себя ее частью, ее «следствием», хотя бы и исключительным: «Я, например, искренно презирал свою служебную деятельность и не плевался только по необходимости, потому что сам там сидел и деньги за то получал. В результате же, — заметьте, все-таки не плевался» (5, 126).

Указание на водевиль может быть и сигналом, прикрепляющим оборот «средство нравиться» к определенному типу культуры XIX в. Главной чертой этого культурного пласта является его принципиальная «антифилософичность», эмпирическая положительность и практицизм во всех сферах человеческой жизни, не исключая и нравственности. Еще в конце XVIII в. начали появляться различные «самые верные, наилегчайшие и надежнейшие» «способы», «средства» и «искусства».³ Такие более или менее явно выраженные шарлатанские книжки имели, однако, свою постоянную публику, в частности, среди мелкого и среднего чиновничества. О них упоминает и И. С. Тургенев в романе «Отцы и дети».⁴

А. П. ВАЛАГИН

ЧИТАЛ ЛИ ДОСТОЕВСКИЙ «КНЯГИНЮ ЛИГОВСКУЮ»?

Можно с уверенностью говорить, что Достоевский, работая над замыслом «Жития великого грешника», а затем над «Бесами», постоянно «имеет в виду» Лермонтова и его роман. На психологическую близость таких фигур, как Печорин и Ставрогин, давно обратили внимание исследователи (об этом писали Л. Гроссман, В. Шкловский, Г. Фридендер, Н. Чирков, В. Левин, американский исследователь И. Хоув). К этому можно добавить, что сходством Ставрогина и Печорина лермонтовские реминисценции в «Бесах» не исчерпываются. Так, например, «демоническая», гордая Лиза,¹ по авторской характеристике, — «Лермонтов в юбке» (11, 197). Обращает на себя внимание ряд упоминаний в подготовительных материалах имени лермонтов-

³ См., например: Истинный способ быть здоровым, долговечным и богатым, или Открытие особых, редких, удобоисполнительных, испытанных и весьма дешевых секретов, посредством которых всякий может доставить себе прочное здоровье и проч.

⁴ Тургенев И. С. Полн. собр. соч., т. VIII. М.—Л., 1964, с. 219. См. также: Мельник В. Источник одной реплики Базарова. — Русская литература, 1977, № 1, с. 173—175.

¹ Вот как описывает Достоевский внешность героини: «... она даже поражала неправильностью линий своего лица. Глаза ее были поставлены